

УДК 801.73
ББК 83.3

*Елена Иосифовна Голованова,
доктор филологических наук, профессор,
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия), e-mail: ligol@csu.ru*

Смена тональности и доминантных образов в уральской поэзии нового времени

В статье раскрываются доминантные особенности образной и смысловой организации уральского поэтического текста: внимание к природной и культурной специфике края, гармонизация пространства, поэтизация человека труда. Утверждается, что творчество известных уральских поэтов – Б. Ручьёва, Л. Татьянической, А. Куницына, В. Богданова – характеризуется именно такой содержательной направленностью. В новую эпоху, по мнению исследователя, происходит смена тональности и ключевых смыслообразов уральской поэзии: в художественном творчестве уральцев всё сильнее звучат общерусские урбанистические мотивы, связанные с эсхатологическим переживанием мира, отказом от романтизации человека и его деятельности. На примере нового сборника поэм современного челябинского автора Сергея Борисова, лауреата нескольких региональных литературных премий, показывается трансформация образов и мотивов уральской поэзии XXI века.

Ключевые слова: уральская поэзия, поэтический текст, доминантный образ, мотив.

*Elena Iosifovna Golovanova,
Doctor of Philology, Professor,
Chelyabinsk State Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: ligol@csu.ru*

Change of Tonality and Dominant Images in the Ural Poetry of the Modern Era

The article reveals dominant features of the image and the meaning of the Ural poetic text, i. e. attention to natural and cultural specificity of the region, harmonization of space, poeticization of human labour. It is proved that the creative work of the prominent Ural poets B. Ruch'ev, L. Tat'yaniicheva, A. Kunitsin, and V. Bogdanov is characterized by the content focus. The author states that in the new era there is a change of tonality and key meaning images in the Ural poetry: national urban motives sound more increasingly, being associated with the eschatological experience of peace, abandoned romanticization of a human being and his activities. On the example of a new collection of poems by S. Borisov, a contemporary Chelyabinsk author and winner of several regional literary awards, transformation of images and motives in the Ural poetry of the twenty-first century is shown.

Keywords: Ural poetry, poetic text, dominant image, motive.

Специфику уральской поэзии XX века во многом определил обобщённый образ рабочего-труженика и связанные с ним мотивы поэтизации труда, восхищения мастерством профессионалов, сакрализации заводского пространства как сложного культурно-семиотического комплекса (см. об этом: [3]). В поэтических произведениях уральцев природные символы края – горы, лес, реки, озера – традиционно воспеваются как уголки малой родины, притягательные своей первозданной красотой, гармонией и чистотой. Именно эти образы и мотивы нашли яркое отражение в творчестве Б. Ручьёва, А. Куницына, В. Богданова, Л. Татьянической и многих других уральских поэтов.

В поэзии XX века крупный или совсем небольшой город Урала часто персонифицируется в образе рабочего, как, например, в стихотворениях, посвящённых Челябинску:

Город мой. Возвышаясь огромно,
Смотрит вдаль широко и светло.
И ложится румянец от домен
На его трудовое чело.
И под небом уральским недаром,
Поднимаясь во всю красоту,
Он суровость обрёл сталевара
И рабочую взял прямоту...
(В. Богданов)

Могучие домны и слябинг
Размеренно дышат вдали.
Поклон тебе, город Челябинск,
Умелец железной земли!
(М. Гроссман)

И в мирный час,
И в час военной выюги
Ты не бывал в долгу перед страной.

...
Кому-то довелось не здесь родиться,
Но стал ты многим родиной второй,
И по-сыновьи все тобой гордимся,
Рабочий город, Труженик-герой!
(А. Куницын)

Тот же образ актуализирован в стихотворении о Нижнем Тагиле:

Город труб, заводов город.
Город стали и огня.
Жили здесь отцы и деды.
Здесь – история моя. <...>
Вечно юный, вечно древний,
Город – труженик, герой.
Никогда нам не расстаться!
Буду я всегда с тобой!

(М. Давыдова)

Трудовой облик города воспроизводится и в поэтическом тексте, посвящённом Златоусту:

Огни домов по вечерам
Унизывают склон. Взбегает город по горам,
Так значит – молод он!
Металлом пахнет, как и встарь,
Огнём он закалён,
А если город варит сталь,
Всем ясно – он силён...

(В. Глыбовский)

Раскалённый металл, огонь, дышащие печи, домны – вот традиционные образы уральской поэзии:

Иду по цеху – дружно дышат печи,
Свет пламени у друга на лице.
...
И после смены под прохладным душем
Мы остываем долго, как металл...
(В. Горбатовский)

Пробили летку у мартена,
Хлестнул по лицам адский жар...
(Ю. Гребеньков)

Горячий цех! Спасибо за глубокий,
Идущий через сердце верный след...
(Ю. Трифонов)

Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавают металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал
(Л. Татьяничева)

Рабочие инструменты, части заводских зданий, сооружений наделяются в поэзии уральцев особой силой, энергией, и нередко используются для осмысления других сущностей, в том числе состояний, чувств самого человека (подробнее см. [2]). Например, в стихотворениях современного уральского поэта Михаила Шабантуева [5] обнаруживаем характерные метафоры:

Чтобы смотреть смелее в завтра,
Забыв про отдых и еду,
Испытываю свой характер,
Проходку в прошлое веду.
(Узел времени)

Мастеровой, уральского закала,
Казалось: всё осилю, всё смогу,
Но вот с души окалина опала,
Растерянный стою на берегу.
(Мамаев курган)

В целом, через использование доминантных образов в местных поэтических текстах передаётся мироощущение жителей Урала, отражается их жизненный опыт и определённая система ценностей.

Вместе с тем в уральской поэзии последних лет всё отчетливее проявляются общерусские урбанистические мотивы, далеко отстоящие от традиционной картины мира уральца. Отказываясь от поэтизации человека труда, авторы всё чаще обращаются к гражданственной и философской лирике.

Так, в новой книге челябинского поэта Сергея Борисова «Отчуждение, или Четыре книги о главном» [1] даётся авторское осмысление сегодняшней жизни. Автор стремится выразить состояние человека новой эпохи – боль от разорванности мира, утрату связи с прошлым, одиночество и неприкаянность.

Книга состоит из четырёх частей – четырёх поэм, написанных в последние годы. Цифра «четыре» не случайна: поэт родился в сороковом году, 22 октября, и в этой «квадрированности» он видит знак сущего. Четыре – символ целостности (ср. четырёхконечный крест, четыре первоэлемента, четыре стороны света). Именно к этой целостности стремится автор из фрагментарности и эклектичности сегодняшнего мира. Однако в символике числа *четыре* есть и обратная сторона – это не только целостность, но и исчерпанность: «чётность» в русской национальной традиции означает конечность, замкнутость, статичность, связана со смертью. Таким образом, через числовую

символику автором передаются ощущения не просто «рубежности» эпохи, но эсхатологичности всего сущего.

В отличие от традиционного горизонтального (по Г. Гачеву) восприятия пространства национальным сознанием (образ пути, дороги), или донационального, мифологического восприятия пространства как круга, замкнутого космоса, поэт рисует пространство как клетку, в которой разворачивается человеческая жизнь. В данной метафоре он выражает свою жизненную и философскую концепцию, почти по Пастернаку – «вечности заложник у времени в плену». Тесные стены – вот границы этого жизненного пространства.

Бытие, обитание современного человека замкнуто в квадрат¹. Окно – граница этого пространства, здесь самый напряжённый, конфликтный участок, где максимально ослаблены связи со «своим» миром. Стоя у окна, автор размышляет о преходящем и вечном:

На сырые обрубки тополей
Ложится снег и падают дожди...

Город рисуется поэтом как замкнутое, неживое пространство. Ощущение человека, скованного квадратами улиц, дворов, квартир усиливается строками:

По скучной панели скитанье
И чахлый покой взаперти...

Таково авторское восприятие панельных квартир, квартир-клеток, где можно испытать на себе *взгляд состарившихся чад* (о живущих в этих квартирах детях-стариках), на городских улицах ощутить *перегар асфальта* или почувствовать *проточное счастье* («новый» образ счастья в восприятии горожанина).

Две важнейших темы книги – вечность и преходящее, быстротечное, сиюминутное время. Первая тема актуализирована в заглавиях поэм и стихотворений. В них «прочитываются» думы поэта о высоком, его стремление выйти на уровень философского осмысления бытия. Вероятно, этим объясняется обращение автора к библейскому контексту – через использование в заголовках старославянской лексики: «Исход»,

¹ Отметим, что в православных церквях именно с этой геометрической формой связано расположение свеч «за упокой» (форма канунного поминального стола – квадратная или прямоугольная).

«Ипостась», «Предубеждение», «Воплощение», «Наитие», «Преткновенение», «Упование», «Благо», «Покаяние» и т. п.

В заголовках Сергей Борисов осуществляет попытку «воскресить» в памяти культуры высокие церковные жанры – «Житие», «Исповедь», «Покаяние»; в поисках законов бытия обращается к юридическим терминам – «Уложение», «Вердикт», «Преамбула»; стремясь гармонизировать художественное пространство текста, использует литературоведческие понятия – «Пролог», «Эпилог», «Посткриптум». Во многих поэтических заголовках реализуется авторская интенция говорить о вечном, непреходящем – «Место», «Время», «Слово», «Память».

Четыре поэмы: «Прямая речь, или Книга откровений», «Стезя, или Книга знаков», «Исповедь, или Книга тайн», «Впредь, или Книга упований» – составляют своеобразный тетраэдр. Закольцованы и жанровые определения этих поэтических форм: *идеалистическая поэма – драматическая поэма – трагическая поэма – утопическая поэма*. Символический код композиции книги транслирует острое желание автора найти в сегодняшнем существовании человека божественный порядок и предложить читателям свой магический ключ к пониманию гармонии.

Идеальный духовный мир и мир людей, живущих по правилам современной культуры, сталкиваются на страницах книги Сергея Борисова. Автор ведёт разговор о живом времени, «сбивчивом» и хрупком, стремится передать его мятущуюся душу.

Острое желание гармонии вызывает у поэта щемящую тоску по «щебету детства», где остались свобода, естественность и чистота помыслов. Урал ассоциируется у художника с местом, в котором ощущается «озёрной заводи волна», где «хвоя и листва» струят «земные краски естества», где соседствуют «веками меченый гранит» и «седые шумы камыша». Но эти образы оказываются на периферии творческого внимания автора.

Если XX век для Сергея Борисова – «век, разлинованный в клетку», то сменивший его XXI век усилил ощущение неотвратимой безысходности:

Век грянул, прощельга и повеса...

Художник стремится запечатлеть «изменчивую суть» своего времени. «Пульса сбивчивая нить» проглядывает сквозь

оценки состояния современной России, её политической «элиты», сонма деятелей шоу-бизнеса:

Разговоры разговаривать
Ради красного словца,
Как съестное переваривать,
Отрыгая без конца...

Автор выступает на страницах книги не как сторонний наблюдатель, а как гражданин:

Что, держава, глядишь исподлобья
На крошечные эти миры?
По какому злосчастному праву
В злополучной невнятице снов
Ты украла надежду и славу
У своих дочерей и сынов?
Или мы нечестивые дети?..

Вечный вопрос: быть или не быть? – в новой интерпретации художника звучит жёстче: *Поэт или вор?*

Наиболее ярко и ёмко Борисову удаётся передать ощущение разорванности времен, безъязыкость эпохи, потерю современниками чувства слова, а вместе с ним – и потерю смысла. «Ломкие края слова» – так характеризует поэт сегодняшнее состояние русской речи. Слово предстает как изломанное, разбитое, готовое поранить душу и пронзить сердце:

Мне слово – только спусковой крючок.

В поэтической ткани произведений Борисова воспроизведена эклектика сознания человека новой эпохи, где рядом оказывается высокое и низкое, уличное, площадное и внутреннее, потаённое:

Не в скрижалях, так в печенках...

На этом замыганном свете
Жизнь – оклик лукавый и только...

Спустившийся сумрак дышал перегаром
Асфальта, отменно нагретого за день.

Словно услышав призыв А. И. Солженицына, прозвучавший в его «Русском словаре языкового расширения» [4, с. 3], Борисов использует целый ряд неизвестных широкому читателю слов: *обочь, свычка, ржавь, прибыток, придумок, ржачь, вчуже, встреча, допрежь* и др.

В контексте произведений автора сталкивается просторечие (*Прибыток с ближнего слупить... Придумок заднего ума... и т. д.*) с классическим поэтическим слогом:

Когда предзимье сковывает грудь...

И бедность милостью предстанет,
Когда познаешь нищету...

Стихи – кочевье помыслов и чувств,
Судьба – череда находок и потерь,
Долг человека – оправдать ему отпущенное...

В книге, о которой идёт речь, перед нами предстал поэт, выразивший современное состояние сознания россиянина. Ему не чужда гражданская позиция, это размышляющий, рефлексирующий, страдающий сын своей страны, обременённый знанием мировой литературы и культуры. Однако при этом в центре внимания оказывается человек, сознательно или неосознанно преодолевший «власть места», а значит, потерявший некую точку опоры, лишенный корней и, вероятно, поэтому лишённый покоя.

Список литературы

1. Борисов С. К. Отчуждение, или Четыре книги о главном. Челябинск: Цицеро, 2011. 131 с.
2. Голованова Е. И. «Уральский текст»: локальный мир горнозаводской культуры в художественном пространстве фольклора и литературы // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы III Междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2010. С. 329–332.
3. Милюкова Е. В. Из «проходной» в «душевую»: рабочий поэт в южноуральской заводской картине мира // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. М.: РГГУ, 2008. С. 178–187.
4. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. М.: Наука, 1990. 272 с.
5. Шабантуев М. Ф. Река доверия. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. 170 с.

References

1. Borisov S. K. Otchuzhdenie, ili Chetyre knigi o glavnom. Cheljabinsk: Cicero, 2011. 131 s.
2. Golovanova E. I. «Ural'skij tekst»: lokal'nyj mir gornozavodskoj kul'tury v hudozhestvennom prostranstve fol'klora i literatury // Interpretacija teksta: lingvisticheskij, literaturovedcheskij i metodicheskij aspekty: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. / Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2010. S. 329–332.
3. Miljukova E. V. Iz «prohodnoj» v «dushevuju»: rabochij pojet v juzhnoural'skoj zavodskoj kartine mira // Kirpichiki: Fol'kloristika i kul'turnaja antropologija segodnja: sb. st. M.: RGGU, 2008. S. 178–187.
4. Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija / sost. A. I. Solzhenicyn. M.: Nauka, 1990. 272 s.
5. Shabantuev M. F. Reka doverija. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. kn. izd-vo, 1998. 170 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2012